

Инклюзия в культурологической перспективе

А. Ю. Шеманов*,

доктор философских наук, заведующий лабораторией проблем социокультурной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья Института проблем интегративного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета

Н. Т. Попова**,

старший научный сотрудник лаборатории проблем социокультурной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья Института проблем интегративного (инклюзивного) образования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье обосновывается необходимость введения культурологической перспективы при постановке задач инклюзивного (включающего) образования и оценке его возможностей. В процессе образования и воспитания людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) важно учитывать их особые культурные потребности. Признание таких потребностей означает описание определенных систем отношений, идентификаций, специфики их составных элементов, культурной среды, адекватной людям с ограниченными возможностями здоровья. Кроме того, это влечет за собой поиск и формирование референтной группы как условия развития человека, языка коммуникации, как для внутренних нужд данной группы, так и для общения с иными группами. Обосновывается необходимость пересмотра доминирующих в современной теории и практике инклюзии концепций культуры в направлении более продуктивного использования культурологических знаний в процессе создания развивающей образовательной среды. Обсуждаются возможности культурных форм, которые могут быть найдены в арсенале традиционных культур и в творческих практиках современного искусства, в процессе создания поддерживающей социокультурной среды, способствующей инклюзии и интеграции людей с ОВЗ.

Ключевые слова: инклюзивное образование, люди с ограниченными возможностями здоровья, особые культурные потребности, парадигмы культурной психологии.

* ajshem@mail.ru

** exnatus@gmail.com

Современной тенденцией в социальной политике в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), нашедшей отражение, в частности, в Конвенции о правах инвалидов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года, является ее ориентация на принцип равного достоинства личности каждого человека. Это определяет акцент на способностях человека (подчас уникальных), а не на его дефекте; на поддержании приемлемого для инвалида образа жизни, учитывающего особенности его развития, а не только на максимально доступном восстановлении его способности включения в жизнь людей, не имеющих инвалидизирующих ограничений здоровья.

Идеология инклюзии основана на идее *включающего общества*. Она означает изменение общества и его институтов таким образом, чтобы они благоприятствовали включению *другого* (человека другой расы, вероисповедания, культуры, человека с ограниченными возможностями здоровья). Причем предполагается такое изменение институтов, чтобы это включение содействовало интересам *всех* членов общества, росту их способности к самостоятельной жизни (включая лиц с ОВЗ), обеспечению равенства их прав и т. п.

Если инклюзия не обеспечивается соответствующим изменением общественных институтов, ее результатом может стать углубление социальной дезадаптации людей с ОВЗ и рост интолерантности к ним со стороны тех, кто подобных ограничений не имеет. Важно, чтобы практика инклюзии не опиралась на стремление или, тем более, принуждение «быть как все», поскольку в этом случае она вступает в противоречие с правом «быть самим собой» [10]. Готовность общества к изменениям, направленным навстречу другому, – важная предпосылка успешной инклюзии, и это качество должно воспитываться. Такая готовность имеет разные аспекты – психологический, культурный, социальный, политический, экономический, и предполагает разные этапы в своем развитии. Не каждый «другой» может быть одинаково

во принят обществом и должен им приниматься. Открытость другому не должна нарушать основы безопасности личности, куда входят и сохранение собственной идентичности, и возможность идентификации индивида с референтной культурной группой. Участие в инклюзии предполагает осознанное принятие возможности изменения своей жизненной стратегии, согласие на пересмотр собственной идентичности. При отсутствии такого принятия естественно ожидать, что вторжение другого будет восприниматься как враждебное или разрушительное, что оно может встречать сопротивление. Чтобы инклюзия принималась всеми ее участниками, они должны осознавать, что этот процесс направлен на их общее благо и здесь важно следовать принципу добровольности.

В зарубежной литературе «инклюзию» отличают от «интеграции» и последнюю часто рассматривают как промежуточный шаг на пути к первой, где не предполагается существенных перемен в тех институтах, в которые интегрируется другой [7]. Если речь идет о человеке с ОВЗ, то имеются в виду преимущественно его интересы; осуществляется так называемая «позитивная дискриминация», т. е. создание для данных людей специальной системы условий, направленных на их поддержку. Благодаря подобной поддержке для людей с ОВЗ открываются новые возможности личностного роста, увеличивается доступность образования и их способность к более самостоятельной жизни в обществе.

Инклюзия выступает практически как постепенное реальное продвижение к изменению институциональных систем общества (включая систему образования) в декларируемом направлении, т. е. к «включающему обществу». Однако обеспечение формальной правовой возможности такого процесса для людей с ОВЗ в ряде случаев может идти вразрез с интересами их развития. Инклюзия не всегда работает на благо как самих лиц с ОВЗ, так и других людей. Поэтому остается задача определения условий, способствующих физическому, психическому и личностному развитию лю-

дей с ОВЗ, поскольку именно определение таких условий и дает им *реальные альтернативы* для построения своего жизненного пути, показывая варианты развития.

Существенный аспект проблемы развития раскрывается в *культурологической* перспективе. Такой подход позволяет поместить проблемы развития человека во всем многообразии их аспектов в контекст культурных аналогий, квалифицировать их проявления в отношении к типологии культур [4; 5]. В то же время этот подход дает возможность рассмотреть историческое многообразие культур в качестве ресурса для поиска форм общения и деятельности, адекватных личностным потребностям той или иной категории людей с определенными особенностями их физической и психической конституции. D. B. Hershenson в своем обзоре отмечает, что культурологические исследования (в его терминологии – культурно-антропологические) могут быть полезны для выяснения культурного контекста процессов деятельности и общения лиц с ОВЗ [12].

Некоторые исследователи прямо говорят об «особой культуре», или «особых культурных нуждах человека с ОВЗ» [4; 5; 6; 13; 14]. За этим признанием особых культурных потребностей стоит необходимость описания определенных систем отношений, идентификаций, специфики составных элементов культурной среды, адекватной для людей с ОВЗ, и т. д. Кроме того, такое признание предполагает поиск и формирование референтной группы, а также языка коммуникации как для ее внутренних нужд, так и для общения с иными группами. Образование и реабилитация детей с проблемами эмоционального, психического и интеллектуального развития возможны только тогда, когда вокруг них организуется целостная система жизни – совершенно особый мир со своими иерархиями, связями, способами взаимодействия и т. д. В этом случае ребенок погружается в полноценную, адекватную его потребностям среду.

Интеграция человека в общество предполагает решение таких проблем как создание «включающего коллектива» и адекват-

ных ему культурных форм групповой жизни, а также синтез таких форм коллективной жизни с доминирующим в нашей культуре индивидуально-рациональным способом культурной регуляции [6]. Если перевести этот вопрос в плоскость социально-правовых технологий, отчасти он обернется проблемами создания «включающей социокультурной инфраструктуры», а также правовой регуляции допустимых форм подобной инфраструктуры и общественного контроля над ними. Практическое решение этих задач, с которыми сталкивается не только человек с ОВЗ, но и многие из тех, кто пополняет маргинальные пласты общества, откроет для них путь в культуру.

Интеграция опирается на владение средствами коммуникации. Но она также опирается и на владение иными формами культуры, которые принадлежат последней постольку, поскольку люди способны видеть в них какой-либо смысл, так как они передают человеку нечто важное. Иными словами, интеграция предполагает обладание определенной культурной компетенцией наподобие того, как для того чтобы общаться на языке, требуется языковая компетенция.

Культурологический подход к интеграции ставит задачу не простой адаптации человека к условиям жизни в обществе, а его творческой самореализации в адекватной для него форме. Вместе с тем данный подход опирается на наличие базовых культурных способностей у реабилитируемых и, тем самым, признает человеческое достоинство у каждого гражданина независимо от его интеллектуальных, физических и психических особенностей. Для культурологического подхода к реабилитации одним из ключевых моментов является не опора на установившиеся культурные формы и социальные институты, а вовлечение реабилитируемого в творчество форм культуры и социальности, которое осуществляется совместно с другими участниками реабилитационной группы, образующей для ее членов своего рода терапевтическое сообщество. В его составе люди с аналогичными проблемами развития, специалисты,

члены ближайшего окружения реабилитируемого (родители, братья и сестры и др.), здоровые волонтеры-помощники. По мере освоения культуры человек специфически участвует в производстве новых структур деятельности, ее нормативных моделей – сам творит культуру. Поэтому органичным для культурологического подхода является применение практик *искусства*, имевших место в истории культуры [6]. Причем в контексте культурологического подхода участие в практиках искусства позволяет *формировать* основы культурной и коммуникативной компетенций.

Воздействие этих методов медленное, как и всякое формирование основ, что неудивительно, так как на всем протяжении существования человечества складывание первичных культурных практик человеческого сознания и общения заняло 99 % времени, по сравнению с той историей, когда человечество смогло на их фундаменте обратиться к усовершенствованию технологий, хозяйства, устройства общества, к научному, экономическому и социальному прогрессу. Однако для продуктивного использования идеи создания особой культуры людей с ОВЗ важно, как понимается сама культура и ее роль в развитии человека. Так, основатели подхода TEACCH (Treatment and Education of Autistic and related Communication handicapped Children), применяемого для обучения организации жизни, работы и общения людей с аутистическим типом нарушений, также ведут речь о «*культуре аутизма*». Однако это понятие рассматривается авторами метода не в культурологической, а в узкоспециальной социально-адаптивной перспективе. Метод исходит из наличия у людей с данным типом нарушений определенных черт, которые задают специфику их каналов восприятия, ориентации в окружающем мире и т. п. Метод TEACCH основан на создании устойчивой структурированной среды, регулирующей все аспекты жизни, работы, общения человека с аутизмом в целях его лучшей социальной адаптации, оцениваемой, прежде всего, с точки зрения специалиста. Конечно, и поста-

новка задачи в контексте внешней для человека с аутизмом социальной адаптации помогает ему компенсировать ограничения, диктуемые его состоянием, позволяет более продуктивно использовать свои особенности в целях приспособления [15; 16]. Важно также отметить мнение этих исследователей, что реальная инклюзия для конкретного человека с аутизмом не всегда будет не только предпочтительной альтернативой, но и вообще *реально* осуществимой, поскольку в ее рамках трудно в достаточной мере и адекватно потребностям людей с аутизмом организовать среду, где они могли бы обучаться вместе со здоровыми сверстниками.

Вместе с тем, культурологический взгляд на метод TEACCH позволяет указать на присущую ему проблему. С этой позиции видно, что адаптивное влияние структурирования жизни на людей с аутизмом имеет культурные основания. Функции семиотического структурирования среды обитания для человека архаического общества связаны с мифо-ритуальной культурой [1; 9]. Совокупность архаических ритуалов и мифологических представлений выполняла функцию трансляции знания об условиях коллективной жизни до появления системы образования в качестве особого социального института. Но еще более важно, что мифо-ритуальная культура транслировала это знание об условиях социальной жизни как ценность для всей группы, в ее рамках каждый член коллектива мог выражать в процессе ритуала свою сопричастность коллективным ценностям, которые в ходе совместных действий становились его глубинными мотивами.

На примере функций мифо-ритуальной культуры видна важность использования культурных механизмов интеграции социальных требований с внутренними смыслами каждого члена группы для принятия этих требований как собственной ценности. Применительно к реабилитации людей с аутизмом это показывает значимость введения культурологической перспективы при выборе методов помощи таким людям. Недостаточно просто признать специ-

фику культуры людей с аутизмом в качестве неизменного факта, необходимо принять во внимание особые культурные потребности этих людей и осознать важность удовлетворения культурных потребностей как обязательного фактора развития любого человека, а не только как инструмента его внешней адаптации к условиям жизни в обществе. В противном случае задача адаптации не сможет стать для него собственной внутренней задачей. Более того, без осознания самим реабилитантом ценности структурирования жизни, без интеграции этой структуры с его внутренними смыслами организация среды с помощью специальных методик может оборачиваться «роботизацией» [8, с. 191], становиться дисфункциональной для развития.

Важно подчеркнуть еще один момент в архаическом структурировании среды обитания: мифо-ритуальная культура позволяла овладеть культурными формами телесно-эмоциональной деятельности и тем самым представить их как предмет культурного освоения. Ритуальная организация жизни начинала процесс превращения хаотичной, культурно не освоенной среды обитания в осмысленный и упорядоченный жизненный мир. Существенно отметить, что подобное архаическое упорядочивание мира держалось на строгом соблюдении структурных требований к образу жизни всех членов сообщества и катастрофически нарушалось при отступлении от них (например, при случайном или намеренном нарушении табу, как описывает М. Мосс [2]). Причем система ритуалов и тесно связанный с ней комплекс мифологических представлений, выполняя функции культурного структурирования жизни, одновременно давала архаическому человеку ценностно-смысловую картину мира. Эта психологическая функция присуща подлинным ритуалам, в отличие от ритуализмов, которые характеризуются утратой важных качеств ритуалов: их духовного содержания, общего значения для всех членов группы, способности сохранять новизну при многократных повторениях и др., в силу чего они могут становиться дисфунк-

циональными [3]. Представляется, что обряды в архаических культурах сохраняли характер подлинных ритуалов, что и позволяло им выполнять функции психологических средств становления человеческой психики и регулирования жизни архаических общностей. Соответственно, упомянутая в связи с обсуждением метода ТЕАСН опасность «роботизации» жизни может быть связана с формированием ритуализмов вместо ритуалов. Отсюда следует необходимость учета культурного качества структурируемой среды, ее насыщенности культурными смыслами.

Культурологический взгляд на проблему инклюзии позволяет открывать развивающий и способствующий реальной инклюзии потенциал культурных форм, которые могут быть найдены как в арсенале традиционных культур, так и в способах культурной выразительности современного искусства, что позволяет соотносить их с практиками, используемыми в арт-терапии. Кроме того, культурологическая перспектива позволяет поставить вопрос о подготовке к инклюзии, к обеспечению в ее рамках реальных альтернатив жизни для лиц с ОВЗ. Она дает возможность предложить для реализации этой задачи значительный арсенал методов решения, что показывает многолетняя работа региональной общественной организации социально-творческой реабилитации детей и молодежи с отклонениями развития и их семей «Круг», осуществляемая в сфере дополнительного образования для людей с ОВЗ [4].

Деятельность «Круга» во всем ее разнообразии направлена на создание социокультурной среды, целью которой является воспитание личности, способной к культуротворческой деятельности. Среди комплекса реализуемых здесь проектов – четыре театральные студии, программа «особая школа» для лиц с ОВЗ, ремесленные и творческие мастерские, образующие реабилитационный цикл и предполагающие работу со всей семьей, включая братьев и сестер реабилитируемого. Театральная деятельность, являясь ядром социокультурной деятельности, объединя-

ет все программы «Круга» в единый комплекс. Она не случайно составляет важнейший элемент культурологического подхода к обеспечению культурных основ инклюзии и интеграции. Уникальность этого вида деятельности состоит в том, что она интегрирует поведение человека и при правильной организации может быть направлена на развитие рефлексивного типа поведения. Решение частных коррекционных задач достигается путем реализации комплекса программ, ориентированных на театральную деятельность или включающей ее элементы в рамках решения основной задачи – создания целостной реабилитационной среды, побуждающей к включению в собственную культурную деятельность. Благодаря этому, коррекционно-адаптивная работа не распадается на отдельные частные технологии, что особенно неэффективно при работе с детьми с интеллектуальной недостаточностью в силу комплексного характера проблем развития, существующих у этих детей. Таким образом, преодолевается неадекватный для решения задач реабилитации детей с ОВЗ эклектичный кружковой подход, доминирующий в системе дополнительного образования.

Ряд проектов направлен на развитие и поддержку культуротворческой деятельности лиц с ОВЗ. В их числе фестиваль «Протеатр», выставки, фотовыставки, программа «Музей, открытый для всех» в Государственной Третьяковской галерее на Крымском валу. Важность подобных проектов в комплексе создания культурных основ интеграции и инклюзии состоит в том, что в процессе реализации этих программ формируется образ успешного инвалида как человека творческого, способного вносить уникальный вклад в развитие культуры и общества. Наличие этого помогает развитию толерантности в обществе, а также способствует процессам идентификации самих лиц с ОВЗ, ориентируя их на собственных адекватных культурным особенностям «культурных героев», что позволяет таким людям ставить более реальные и достижимые цели в своей жизни. Это помогает семье видеть также перспективы раз-

вития для детей с инвалидностью. Фигура культурного героя является примером базового культурного механизма, присущего культуре на протяжении всей ее истории и участвующего наряду с другими в процессах идентификации с группой. Благодаря данному механизму, реализуется культурная функция идентификации с ценностями своей культурной группы.

Культурологический подход к психологическим проблемам в последнее время активно демонстрирует свою ресурсность. Так, V. P. Glavenue [11] пишет о необходимости формирования новой парадигмы культурной психологии, которую он определяет как «Мы-парадигму», альтернативную чисто объективистскому («Он-парадигма») и личностно-центрированному («Я-парадигма») подходам. Он предлагает отказаться от идеи замкнутой целостности внутреннего мира человека, для которой культура и общество выступают как внешние факторы. Взамен этого предлагается рассмотреть формирование значений и обмен ими, а также структурирование с их помощью жизненного мира как принципиально интересубъективные культурные процессы, происходящие в пространстве между людьми. В рамках этой парадигмы «Я» оказывается лишь одним из результатов структурирования коллективного по своим истокам культурного процесса, что может дать новый ключ к пониманию и вышеупомянутого подхода к проблеме аутизма, и проблемы сознания архаического человека, и роли культуры в регуляции мышления и поведения человека, а также к поиску культурных ресурсов личностного и психического развития человека, включая лиц с ОВЗ. Этот подход открывает также новые перспективы к постановке проблемы инклюзии и формулировке идеи включающего (инклюзивного) общества.

Расширение парадигмального поля, разумеется, не следует понимать как замену применяемых психологических подходов. Сказанное относится именно к парадигме культурной психологии. Речь идет о поиске адекватной для нее концептуальной рамки. Культурологическая перспектива не

отменяет, а по-новому освещает все многообразие психологических подходов. Она дополняет их и открывает новые возможности, которые приобретают ключевое значение в ряде случаев, особенно в тех, когда из-за имеющихся культурных дефицитов, несформированности культурных потребностей, отсутствия соответствующей референтной группы, адекватных форм культурного выражения не обеспечены культурные основы для формирования субъектной позиции реабилитантов.

Применению общепринятых психологических методов реализации принципа партнерства препятствует дефицит культурной и коммуникативной компетенций, поскольку эти способы требуют опоры на базовую культурную и коммуникативную компетенции реабилитируемого. Культурологический подход дает возможность в непрямой форме применить принцип партнерства, так как здесь используются практики культуры, обращенные именно к человеку с неразвитыми основами культурной и коммуникативной компетенции. В ходе реабилитации при взаимодействии с человеком, имеющим ОВЗ, отбираются культурные практики и формы, которые реально могут стать его *жизненными формами*. В данном

случае партнером становится как бы сама жизнь данного человека, когда в ее практику входят культурные формы, соответствующие потребностям его развития. Таким образом, культурологический подход проявляет и свою экологичность: он адресован собственным потребностям развития реабилитируемого, а не нацелен на их искусственное создание.

Еще одним существенным моментом, который привносит культурологическая перспектива в реализацию идей инклюзии, является то, что в данном случае обеспечивается своего рода профилактика для распространения узкоспециализированных психологических методов регулирования сферы личных смыслов человека. Здесь специалисты, помещая себя в культурологическую перспективу, оказываются в паритетных отношениях партнера культурного диалога с личностью другого человека, они освобождаются от роли вершителей судеб, определяющих смысл жизни других людей. И этот момент прямо работает на осуществление идей интеграции общества и инклюзии в него всех его членов, т. е. инклюзии, опирающейся на уникальность особенностей каждого из них.

Литература

1. Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов: к использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.
2. Мосс М. Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти (Австралия, Новая Зеландия) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.
3. Обухова Л. Ф., Дворникова И. Н. Ритуалы как психологическое средство формирования сплоченности семьи // Психологическая наука и образование. 2008. № 4.
4. Попова Н. Т. Культурологические аспекты развивающей педагогики // Постигание культуры. Ежегодник. Вып. 11. М., 2001.
5. Попова Н. Т. Культурные механизмы развития человека (культурная форма, культурный дефицит, субкультура) // Теоретическая культурология. Сер. «Энциклопедия культурологии». М.-Екатеринбург, 2005.
6. Попова Н. Т. На пути к театру. Субкультура. Интеграция. Театр с участием людей с интеллектуальной недостаточностью // Протеатр. Феномен «особого искусства» и современная культура (с приложением реестра «особых театров»). М., 2008.
7. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов, 2006.
8. Сансон П. Психопедагогика и аутизм: опыт работы с детьми и взрослыми. М., 2006.
9. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
10. Щербакова А. М., Шеманов А. Ю. Дискуссионные вопросы развития личности ребенка с интеллектуальной недостаточностью // Психологическая наука и образование. 2010. № 2.
11. Glavenue V. P. Paradigms in the study of creativity: Introducing the perspective of cultural psychology // New Ideas in Psychology. Vol. 28. Issue 1. April 2010.
12. Hershenson D. B. Toward a cultural anthropology of disability and rehabilitation // Rehabilitation Counseling Bulletin. 43:3. 2000.
13. Hickey-Moody A. 'Turning away' from Intellectual Disability: Methods of Practice, Methods of Thought // Melbourne Studies in Education, 2003. V. 44. № 1.
14. Klotz J. The Culture Concept: Anthropology, disability studies and intellectual disability // Disability Studies and Research Institute (DSaRI) Symposium. 12.9.2003.
15. Mesibov G. Evidence-Based Practice and Autism // Meeting of Minds 3 / February 2009. Электронная версия: <http://www.meetingofminds2.dk/admin/files/21010108/Evidence-Based%20Practice.pdf>
16. Mesibov G. What is TEACCH? Электронная версия: <http://www.teacch.com/whatis.html>.

Inclusion in Culturological Perspective

A. Yu. Shemanov,

Ph.D. in Philosophy, Head of Laboratory on Problems of Socio-Cultural Rehabilitation of Persons with Disabilities, Institute of Problems of Integrative (Inclusive) Education, MSUPE

N. T. Popova,

Senior Researcher, Laboratory on Problems of Socio-Cultural Rehabilitation of Persons with Disabilities, Institute of Problems of Integrative (Inclusive) Education, MSUPE

The necessity of introducing culturological perspective while setting goals for the inclusive education and evaluation of its capabilities is addressed in the article. In the process of education and mentoring the people with disabilities it is important to take into account their specific cultural needs. Recognition of the special cultural needs imply the description of the particular system of relationships, the identification systems, the specificity of the constituent elements of cultural environment adequate for people with disabilities, emphasizing the importance of a reference group as a condition of human development, searching for the language of communication, both for internal needs of this group and for communication with other groups. The need to revise the prevailing concepts of culture in contemporary theory and practice of inclusion is justified towards a more productive use of cultural knowledge in the process of creating a developmental learning environment. The possibilities of cultural forms, which can be found in the arsenal of traditional cultures and artistic practices of contemporary art are discussed in creating supportive social and cultural environment that promotes inclusion and integration of people with disabilities.

Keywords: inclusive education, people with disabilities, specific cultural needs, paradigms of cultural psychology.

References

1. *Lich Je. Kul'tura i kommunikacija: Logika vzaimosvjazi simbolov: k ispol'zovaniju strukturnogo analiza v social'noj antropologii. M., 2001.*
2. *Moss M. Fizicheskoe vozdejstvie na individa kollektivno vnushennoj mysli o smerti (Avstralija, Novaja Zelandija) // Moss M. Obshestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii. M., 1996.*
3. *Obuhova L. F., Dvornikova I. N. Ritualy kak psihologicheskoe sredstvo formirovanija splochnosti sem'i // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2008. № 4.*
4. *Popova N. T. Kul'turologicheskie aspekty razvivajushej pedagogiki // Postizhenie kul'tury. Ezhegodnik. Vyp. 11. M., 2001.*
5. *Popova N. T. Kul'turnye mehanizmy razvitija cheloveka (kul'turnaja forma, kul'turnyj deficit, subkul'tura) // Teoreticheskaja kul'turologija. Ser. «Jenciklopedija kul'turologii». M.-Ekaterinburg, 2005.*
6. *Popova N. T. Na puti k teatru. Subkul'tura. Integracija. Teatr s uchastiem ljudej s intellektual'noj nedostatochnost'ju // Proteatr. Fenomen «osobogo iskusstva» i sovremennaja kul'tura (s prilozheniem reestra «osobyh teatrov»). M., 2008.*
7. *Romanov P. V., Jarskaja-Smirnova E. R. Politika invalidnosti: Social'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoj Rossii. Saratov, 2006.*
8. *Sanson P. Psihopedagogika i autizm: opyt raboty s det'mi i vzroslymi. M., 2006.*
9. *Tjerner V. Simvol i ritual. M., 1983.*
10. *Sherbakova A. M., Shemanov A. Ju. Diskussionnye voprosy razvitija lichnosti rebenka s intellektual'noj nedostatochnost'ju // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2010. № 2.*
11. *Glavenue V. P. Paradigms in the study of creativity: Introducing the perspective of cultural psychology // New Ideas in Psychology. Vol. 28. Issue 1. April 2010.*
12. *Hershenson D. B. Toward a cultural anthropology of disability and rehabilitation // Rehabilitation Counseling Bulletin. 43:3. 2000.*
13. *Hickey-Moody A. 'Turning away' from Intellectual Disability: Methods of Practice, Methods of Thought // Melbourne Studies in Education, 2003. V. 44. № 1.*
14. *Klotz J. The Culture Concept: Anthropology, disability studies and intellectual disability // Disability Studies and Research Institute (DSaRI) Symposium. 12.9.2003.*
15. *Mesibov G. Evidence-Based Practice and Autism // Meeting of Minds 3 / February 2009. Электронная версия: <http://www.meeting-ofminds2.dk/admin/files/21010108/Evidence-Based%20Practice.pdf>*
16. *Mesibov G. What is TEACCH? Электронная версия: <http://www.teacch.com/whatis.html>.*